Автор: Оргкомитет
09.04.2015 09:19

Живет в Салавате (Россия).

ПЕТЕРБУРГСКИЕ ТАЙНЫ

Петербургские тайны

Я гулял вдоль Невы, где за век – никаких изменений,
Где на старой стене след воды от былых наводнений.
Посетил Эрмитаж, был в театре на «Пиковой» драме,
И, уйдя с площадей, я бродил проходными дворами.
Всё смешалось во мне: половодья, протоки, каналы,
Анекдоты, романы, легенды, преданья, анналы,
Бесконечность дуэлей, балы, с аксельбантами звёзды
И, из камня, в классическом стиле, дворянские гнёзда.
Снег кружился по льду вдоль канала, позёмкой влекомый.
Здесь жила Лизавета – прамать моей близкой знакомой.
В лунной дымке их дом. Я зайду – ничего не задену –
И увижу, что видеть нельзя сквозь эпоху и стену…

Тонкий запах лимона – в стакане сухая мелисса.
У окошка сидит, в ожидании, бедная Лиза.
Лиза, полночь настала – а Германа нет и в помине.
Может, снова с друзьями бюджеты верстает в кабмине?
Если б так, но, увы…
Я не мот, не пройдоха, не Joker,
Но готов на ломберном столе раскидать с тобой покер,

Чтоб утешить тебя. Но не слышит меня Лизавета.
В темноте бой часов и мерцанье лампадного света.
Небо сыплет снега и они, пав на землю, не тают.
Душу мне любопытство и жажда познанья снедают.
По моим телесам растекаются жар и истома.
Манит вглубь тишина и сакральность старинного дома.
Скрип сухих половиц, за портьерой «газон» из левкоев.
Я в потёмках, на ощупь, добрался до барских покоев.
Дверь открылась. Туда б не вошёл – мне сказали бы если,
Что сидит там, как мрамор, старуха в вольтеровском кресле.
И увидев старушку, ей бью, с извиненьем, поклоны.
Но графиня молчит и глаза у неё непреклонны.
На старушечьих плечиках кошкой облезлой шиншилла.
Вдруг раздался щелчок… И старушка как будто ожила.
Мну со страха картуз, козырёк пятернёй «парафиня».
«Три, семёрка и туз» – прошептала внезапно графиня.
И, вдогонку – рефреном – последняя бабкина фраза:
«Будешь, парень, богат, только если сыграешь три раза…»

Я совсем не игрок, мне не надо богатств Роттердама!
Ты мне в душу не лезь, окаянная чёртова дама.
Я из дома на улицу вылетел бешеной пулей.
Не дай Бог повстречаться опять с этой страшной бабулей.
Небеса над снегами чернее девчонки-чернавки.
Ищет призрак графини пропажу вдоль Зимней канавки.
Я сбежал от неё, нос уткнув в воротник-чернобурку...

Я бродил этой странной зимой по ТОМУ Петербургу.

Питер-Ленинград

Мы беды не боялись и злого недуга.
Было весело нам. Но бывало и туго.
От судьбы – с ней играя в её карамболи –
Принимали удары, сжав зубы от боли.
Собирали в столовых от хлеба обрезки.
В стенах «Спас-на-Крови» изучали мы фрески,
Засиявшие с лёгкой руки Васнецова
Неземным отражением Лика Отцова.
Разобраться пытались мы в старых иконах.
До общаги мотались в трамвайных вагонах.
Тротуары вдоль «конок» гранитом брусчаты.
Мы к себе и друг другу не знали пощады,
Проводя на идейных ристалищах битвы-
Были споры острее, чем лезвие бритвы.
День – на фронте учёбы, а вечер – на личном.

Жили в доме, который был раньше публичным
(посещаем он был и купцом и князьями) –
Мы в нём годы свои коротали с друзьями.
Пили водку, в неё добавляя «бифитер».
Ленинград называли мы ласково – «Питер».
Каждый день признаваясь в любви Ленинграду,
Ощущали душою свой Крест, как награду…

Эту жизнь мы смели, повинуясь «дуркому».
Всё сегодня не так. Нынче всё по другому…

То же самое, вроде, но всё же иначе.
Справедливость свернулась в спираль Фибоначчи.
Не звучат больше знойные речи Руматы.
Всюду чуждый язык, стран чужих ароматы.
Неподвластные запахам рынка Сенного,
Позабыв про закон притяженья земного,
Рвутся с привязи в небо чугунные кони.
Спят бомжи в тупике в проржавевшем вагоне.
Их права не учли ни законом, ни биллем.
Право их – лишь гордиться сияющим шпилем.
Под полами соборов – цари и царицы.
По подъездам валяются грязные шприцы.
Напевается бездной мотивчик ехидный.
Слепят нас купола позолотой алкидной.
Те же страсти, что видели Брейгель и Кранах.
Злость и алчность – в пудах, милосердие – в гранах.
Боль пронзает меня, душу мне раздирая…

Я люблю Ленинград, ни на что не взирая!

Ленинградская осень

Дует с Балтики ветер – веселый шалун, озорник.
Лета бабьего пик. Благодатная, в целом, погода.
Нарастающий гул в сердце страхом ещё не проник.
Это осень далёкого нам 41-го года.

Фюзеляжи в крестах. В вое бомб слышен демона глас.
Полыхают склады. Старых крыш шифер бахает в небо.
По асфальту горячей рекой карамель растеклась.
К небесам едкий дым тянет руки горящего хлеба.

Страшный враг подступил – он коварен, жесток и хитёр.
Окна в белых крестах и на стенах с призывом плакаты.
Призрак голода к городу Ленина кости простёр.

Метроном отмеряет защитникам муки блокады.

Дети тянут тележку с бедою на Невском юру.
Страшно жить им теперь без тепла и родительской холи.
Жутко зев свой разверзла земля в Пискарёвском яру,
В немоте леденящей застыв от бессилья и боли.

Смертью город зажат мёртвой хваткой морского узла.
Вместо хлеба вонючий эрзац получая к обеду,
С глада падают ниц, но встают и, не ведая зла,
Люди истово Крест свой несут, свято веря в Победу.